

Отзыв
на автореферат
диссертации в форме монографии
Андрея Петровича Дмитриева
на соискание ученой степени доктора филологических наук
«Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850 – 1880- х годов»
(специальность 10.01.01- русская литература).

Значимость научного исследования связывают, как правило, с новизной – новизной материала, новизной исследования и новизной авторских выводов. В диссертации А.П. Дмитриева все три вышеуказанных критерия соблюдены. Изучение Никиты Петровича Гилярова-Платонова, как справедливо указано в работе, по-настоящему только начинается. Поэтому материала, на который опирается диссертант в своем исследовании, если не целиком, то на 3/4 точно - новый. Анализ нового материала также предполагает новизну. Следовательно, весьма вероятно, что и выводы будут новыми, т.е. не повторяющими предыдущие, хотя бы в силу того, что предыдущих исследований было весьма мало. Однако А.П. Дмитриев предложил читателю и сделал нечто большее – он показал истинный масштаб личности и творческого наследия своего героя, до сей поры казавшегося одним из многих, интересным, но не очень ярким персонажем истории русской литературы второй половины 19 в.

Исследование А.П. Дмитриева выявляет, что такое представление было в корне неправильно. Никита Петрович Гиляров-Платонов предстает перед нами как своего рода новый Ломоносов, Ломоносов 19 века, энциклопедист по своим интересам и своим занятиям. Это и философ, и богослов, и писатель, и цензор, и редактор, и публицист, и преподаватель Духовной Академии. Не случайно А.П. Дмитриеву понадобилась целая часть работы (из 10 глав), чтобы охарактеризовать все стороны деятельности Гилярова-Платонова и представить его научную биографию. Причем это сделано очень подробно. Автор останавливается на частных эпизодах деятельности Гилярова, таких как преподавание в Духовной академии, служба в цензурном комитете, участие в газете И.Аксакова «День», редактирование собственной газеты «Современные известия» и т.п. Каждый эпизод представляет собой элемент мозаики, из которой и складывается общественный и литературный портрет Н.П. Гилярова-Платонова. Однако каждый элемент этой мозаики сохраняет также и свое собственное, частное достоинство, не теряясь в общей картине.

Разумеется, широта исследуемого материала ставит закономерный вопрос о связи разных сторон деятельности Гилярова и правомерности их освещения в историко-литературном исследовании. Оказывается, и преподавание, и богословские штудии, и проповеди, и работа над историей Церкви, и лингвистические занятия - все это разные стороны единого литературного творчества. Как показано в работе, и к лекции, и к проповеди, и к статье, и к мемуарам Гиляров относился как к своего рода

литературному произведению. Он создавал их, думая не только о цели, о смысле, но и о форме, о восприятии слушателем (читателем), о доступности. Самые споры и литературные «конфликты» Гилярова-Платонова в таком контексте приобретают значимость и глубину, свидетельствуя о готовности к дальнейшему развитию, углублению своих воззрений и в то же время о принципиальности позиции Гилярова.

Создавая научную биографию Гилярова в первой части своего исследования, А.П. Дмитриев постоянно вводит в оборот новые материалы. Так, о сложностях работы в Духовной Академии, о подготовке магистерской диссертации, о стиле преподавательской деятельности Гилярова-Платонова свидетельствуют неизвестные ранее воспоминания современников – протоиереев М.С. Боголюбского и М.С. Сперанского, Г.П. Смирнова-Платонова, Е. Голубинского, а также конспекты лекций самого Гилярова-Платонова. Выделяя мировоззренческие и психологические причины конфликта Гилярова-Платонова и митрополита Филарета, А.П. Дмитриев широко пользуется архивными материалами, в частности, письмами гр. Д.Н. Блудова и гр. А.Д. Блудовой Гилярову и самого Гилярова к И.С. Аксакову и Н.Ф. Глебову. В жизнеописании Филарета, составленном Гиляровым, диссертант прослеживает агиографические элементы, причем, как показано в работе, достаточно новаторские, лишенные «ненужного балласта этикетно-риторических изъятий в благоговении» (с.21).

Определив в 1 части работы круг интересов и проблем, волнующих Гилярова, А.П. Дмитриев вторую часть монографии «Н.П. Гиляров-Платонов как публицист и русская журналистика его времени» посвятил изучению его публицистического наследия. В этой части приемы исследования несколько меняются: вместо монографического изучения отдельных эпизодов, А.П. Дмитриев в каждой главе сопоставляет литературные отношения и взаимодействие, взаимовлияние двух или трех публицистов, занятых одной и той же проблемой. Автор диссертации показывает парадоксальность взаимного тяготения «публицистов-антиподов» М.Н. Каткова и Н.П. Гилярова-Платонова. Гиляров – «утонченный философ и богослов, порой слишком своеобразный и замысловатый для широкой публики» (с. 27). Катков же – воплощение практической деятельности, рационалист, «поборник национально-ориентированной государственной политики» (с. 27). Сравнивая их в первой главе, А.П. Дмитриев делает закономерный вывод: «если первый больше воздействовал на ум читателей, то второй на их волю» (с.27).

Во второй главе прослеживается история создания сборника славянофильских статей «Русская идея» для немецкого издателя Ф. Боденштедта (вышел под названием «Русские фрагменты»), переведенных на немецкий язык. Особое место в сборнике заняла статья Н. Гилярова «Личное и общественное», в которой рассматриваются идеи коммунизма и индивидуализма. Гиляров противопоставляет им восточно-христианское, православное мировоззрение. К статье Гилярова написал полемические примечания И.К. Блюнчли, швейцарский правовед и государственный

деятель, занимавший кафедру конституционного права в Гейдельбергском университете.

А.П. Дмитриев считает, что полемика И.К. Блюнчли с Гиляровым, по существу своему, была полемикой западной демократии (ибо идеи Блюнчли, как показано уже в монографии, см. с. 175, легли в основу «современных демократий») с православной социологией (с. 27). Нам представляется, что в этом месте в работе допущена терминологическая неточность. Применительно к концу 19 в. можно говорить о самом начале социологии, но выделять в это время православную социологию явно преждевременно, не говоря уже о том, насколько правомерно вообще членение тогдашней социологии на православную и неправославную. Думается, в данном случае стоило бы говорить иначе – о социальных взглядах Гилярова, о религиозном неприятии западного гедонизма, воспринимаемого славянофилами (и прежде всего Н.П. Гиляровым) как эгоизм. Или же следовало подробнее (и в книге, и в автореферате обосновать правомерность такого определения).

Сосредоточившись на анализе публицистических мотивов и проблем, А.П. Дмитриев вынужденно несколько раз (в различных контекстах) обращается к одному и тому же публицисту, сопоставляет его с другими публицистами и мыслителями. Так, к М.Н. Каткову автор обращается по меньшей мере дважды: и как к издателю «Русского вестника», с которым Гиляров сотрудничал, и как к автору статей о 50-летию служения митрополита Филарета (с. 265 – 27, 28 – 29). Дважды обращается автор в этой части и к И.С. Аксакову. В монографии сравниваются его публикации о чествовании Филарета и статьи М.Н. Каткова. В другой главе анализируются взгляды И.С. Аксакова, Н.С. Лескова и Н.П. Гилярова на старообрядчество. Такое повторное обращение к тем же публицистам представляется вполне уместным, поскольку выявляет различия мнений по одному и тому же вопросу (с. 28 - 29, 29 - 30). Продолжая исследование Гилярова «на фоне» других публицистов, автор сравнивает его с В.С. Соловьевым (с. 31 – 32), разбирая их полемику о «всеславянском единстве» и кирилло-мефодиевском наследии, с К.П. Победоносцевым, сравнивая их взгляды на церковно-общественные вопросы (с.32 - 33), наконец, с Т.И. Филипповым. В монографии анализируется полемика Гилярова и Филиппова по поводу греко-болгарской распри 1872 г. Основой исследования служила переписка двух публицистов, выявленная и опубликованная, в частности, при участии самого диссертанта. Некоторое сомнение вызывает лишь определение «нравственно-практический» в названии 10 главы 2 части (с.33). Дело не только в том, что «нравственно-практические» звучит не очень хорошо. Для славянофилов вся практика должна была исходить из их нравственных убеждений. Они не допускали расхождения слова и дела, теории и практики. Здесь же, на наш взгляд, как раз и присутствует некое раздвоение.

А.П. Дмитриев постоянно подчеркивает, что сам Гиляров смотрел на свою деятельность, в том числе и литературную, как на служение, на исполнение долга. Такое отношение объясняет его многочисленные споры

даже с близкими ему публицистами и общественными деятелями. Принципиальность Гилярова, отстаивание им своих взглядов вопреки даже дружескому расположению постоянно прослеживается на протяжении монографии, особенно заметно это в третьей части, в которой анализируется литературная критика и мемуаристика Гилярова. Как показывает автор, Гиляров с самых ранних лет сторонился светской тематики, его первоначальные литературные и мемуарные произведения объединяет проблема греха, эсхатология (с.34). Автобиографические воспоминания, по мнению автора монографии, обладают «сложной жанровой природой»: в них совмещаются черты эпопеи, романа воспитания, учительной проповеди и даже экспериментального романа (по типу романов Э.Золя) (с. 34). К сожалению, формат автореферата не предполагает подробных разъяснений, это скорее авторские тезисы, чем аргументированные суждения. И все же, как нам кажется, данный тезис стоил о бы разъяснить. Ведь в самой монографии Дмитриев высказывается осторожнее (и, пожалуй, правильнее): Ссылаясь на авторецензию самого Гилярова о книге «Из пережитого», он повторяет формулировку мемуариста (Гилярова), определяющего свою работу как научно-экспериментальное исследование. (Монография, с. 317). Причем Дмитриев уточняет, что это скорее роман воспитания особого рода, испытавший влияние позитивизма, в том числе и романов Э. Золя (монография, с. 317). С таким определением трудно не согласиться, тогда как в автореферате неразъясненное положение вызывает вопросы.

Четыре из 13 глав третьей части посвящено С.Т., К.С. и И.С. Аксаковым. Такое внимание вполне оправдано, ибо с Аксаковыми Гилярова связывали не только служебные, но личные дружеские отношения. Их взгляды во многом совпадали, хотя нередки были и ссоры, и конфликты - всегда принципиальные (с. 37). А.П. Дмитриев не скрывает сложности в отношениях Гилярова и его друзей. Между прочим, глава об А.С. Хомякове названа: «Н.П. Гиляров и А.С. Хомяков: случаи разногласия в общении единомышленников» (с. 37). Наблюдения А.П. Дмитриева и в данном случае чрезвычайно интересны, а выводы убедительны и заставляют задуматься. Очень важно, что эта глава построена на архивных документах, впервые отысканных и введенных в научный оборот непосредственно соискателем. То же относится и к главе 3.8 о совместной работе Ю. Самарина и Н.Гилярова над богословскими сочинениями Хомякова (с. 38).

Последующие главы (3.9 – 3.12) освещают восприятие таких писателей как Л.Н. Толстой (с. 38), А.Н. Островский (с. 39), Н.С. Лесков (с. 39), Ф.М. Достоевский (с. 40). Исследование критических суждений о Достоевском построено по диалогическому принципу: суждения самого Гилярова сравниваются с оценками И.С. Аксакова, выявляются «расхождения, несогласия, совпадения» (с. 39). А.П. Дмитриев считает, что Н.П. Гиляров точнее оценил вклад Достоевского в культуру, не превращая его в «мирского святого» и в то же время не умаляя его религиозных прозрений и вдохновения (с. 40).

Последняя глава (3.13) связана с именем ученика Гилярова, полузабытого публициста И.Ф. Романова – Рцы (с. 40). В этой главе уже Гиляров выступает как наставник, учитель будущих поколений. Анализируется также его переписка с Романовым - Рцы.

Монография А.П. Дмитриева, как показывает это и автореферат, представляет собой широкомасштабное и вместе с тем скрупулезно подробное исследование литературных взглядов, отношений и особенностей литературного творчества Н.А. Гилярова-Платонова, выходящее за границы узко-профессионального подхода, характерного подчас для исследований о славянофилах и славянофильстве. Бесспорно, что монография внесет значительный вклад в изучение творчества славянофилов и в отечественное литературоведение в целом. Особенно значимо, что литературные критерии применяются ко всем видам творчества Гилярова, включая и его богословские работы. В контексте монографии реализуется изучение текста как значимого сообщения, обладающего собственной формой, зависящей от намерений и целей автора, и уже во вторую очередь - от содержания и задач самого текста.

Представляется, что монография выполнена на высоком научном и методологическом уровне, соответствует требованиям, предъявляемым ВАКом к докторским диссертациям, а А.П. Дмитриев заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук.

Греков Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и журналистики Московского Православного института Св. Иоанна Богослова.

1 ноября 2018г.

